

День 1-й

На запись детей в отряды и знакомство со своими напарниками мы с Анькой катастрофически опаздывали. Чтобы обстоятельства сложились нужным образом, прежде чем выйти из метро, мы сорок минут просидели на «Полежаевской», отсчитывая счастливое количество проходящих мимо поездов. После того как в темном тоннеле скрылся двадцатый, мы в который раз проверили, что чемоданов у нас по-прежнему два, рюкзаков столько же, и не торопясь двинулись к эскалатору.

Это была часть дерзкого плана по захвату напарников, обладающих определенными антропометрическими параметрами, подходящим психотипом и хорошей зодиакальной совместимостью с нашими гороскопическими знаками. План был продуман до таких мелочей, что у меня даже имелся плакат с фотороботом человека со всем набором требуемых качеств; на нем был изображен лидер финской готической группы *НМ* Вилле Вало.

Полагая (как потом выяснилось, ошибочно), что чем позже мы приедем, тем больше будет выбор, а значит, и вероятность совместиться со своим коллегой хотя бы по одному из этих пунктов, от «Полежаевской» до автокомбината, от которого отходили автобусы до лагеря, мы шли все медленнее и медленнее, пока совсем не остановились напротив витрины «Понечной». За двумя горами розовых с разноцветной посыпкой пончиков сразу замаячила перспектива провести оставшееся до блицкрига время здесь, но внезапно у Аньки зазвонил телефон, и весь план полетел к чертям собачьим.

Разговаривая по телефону, она махала руками, дважды подпрыгнула на месте, один раз пригнулась, но перед тем как отключиться, покорно кивнула и шмыгнула носом.

— Вынь банан! — крикнула она и выдернула наушник из моего уха. — Директриса звонила. Все пропало, и надо немного ускориться.

Пока мы бежали с подлетающими на кочках чемоданами к автокомбинату, от Аньки удалось узнать, что главным из того, что «пропало», стала возможность выбора напарников. Два наших авиаконструктора тоже опаздывали. В том, что у них был точно такой же план, как у нас, не было никаких сомнений, но поскольку один из них считал поезда на «Пролетарской», а другой на «Речном вокзале», что гораздо дальше от автокомбината, чем «Понечная» на «Полежаевской», директриса решила поторопить нас.

— Еще нам дали два младших отряда, — сказала Анька, толкая тяжелую дверь с надписью «Входа нет». — Им по восемь лет. Два отряда восьмилеток! Ну хотя бы двенадцать, но восемь... Самый страшный возраст: одни хотят к маме, другие — спрыгнуть с крыши.

За дверью, которую, несмотря на предупреждение, с третьей попытки удалось-таки открыть, в огромном холле с высоким потолком уже толпились родители с детьми. Все они что-то ели, пили, раскладывали на подоконниках одежду и обувь, потом складывали все обратно в разноцветные рюкзаки и привязывали к чемоданам одинаковые красные ленточки.

Я попробовала определить, кому из детей могло бы быть восемь лет, и задержалась возле самого маленького мальчика: на самодельном бейджике написано «Дима», на худых плечах рюкзак, в руках складной пляжный зонт в два раза больше, чем сам Дима.

— По-моему, они ничего, — сказала я, пока Анька оттаскивала меня от Димы. — Твоей Юльке тоже восемь лет, и вы нормально ладите.

— Моей Юльке?! — Анька остановилась и вытаращила на меня глаза. — Она на Новый год пожар устроила. Чуть не сгорели все.

— Но ведь она же его и потушила!

— Моей норковой шубой! — Анька снова схватила меня за руку и, пробиваясь сквозь толпу родителей с детьми, потащила к двери с надписью «Запись в отряды». — Если у нас будет хоть одна такая Юлька или один такой, как ее Васька, то нам не помогут никакие авиаконструкторы.

Семнадцать Юлек и столько же Васек повернули головы в нашу сторону и оценивающе нас осмотрели, но Анька не обратила на них внимания.

— Матерь божья, — сказала она, заглянув в приоткрытую дверь, и тут же ее закрыла. — Не смотри туда... Ай, ладно, смотри.

Анька открыла дверь пошире и впихнула меня в комнату для записи. Здесь тоже была толпа, но уже разбитая на группы

по возрасту детей. За столами под номерами отрядов сидели вожатые. Все, кроме наших напарников. Однако большинство из них не было никакой возможности рассмотреть хоть сколько-нибудь подробно, потому что за столом у окна сидело само совершенство, гений чистой красоты с такими антропометрическими данными, что зодиакальная совместимость уже не имела никакого значения, — выпускник МАТИ, вожатый первого отряда Александр Данилов. На бейджике значилось только небрежное «Ал. Д.».

Не вставая с места, он расстрелял нас с Анькой бронбойными из-под темных бровей и сделал по два контрольных в грудь.

— Он прекрасен, — шепотом выдохнула Анька, прижимаясь спиной к стенду «Террористическая угроза». — Он прямо как Ален Делон. И как ужасно, что он уже занят!

Несмотря на полученные ранения, я осталась верна Вилле и уверенно направилась к столу под номером шесть. Анька еще раз вздохнула и поплелась за мной. У наших столов стояли самые длинные очереди, но даже сквозь толпу машек и наташек мы имели счастье видеть стол под номером один, дымку ресниц, алеющий треугольник румянца... и Сашкину напарницу.

Ее звали Марина. Разумного объяснения тому, что, оказавшись на отряде с таким красавцем, она не бьется в истерике и не благодарит Господа за то, что он ниспослал ей наивысшее счастье на земле, не было, поэтому мы решили, что она просто дура. Это многое объясняло, и, что самое главное, становилось не так обидно. Чтобы совсем полегчало, в дополнение к найденному изъяну мы обнаружили у нее еще несколько существенных недостатков: маленький рост, короткий нос и писклявый голос. Все это было щедро

присыпано звездочками, бусинками, перышками и выглядело как витрина «Пончечной». Но к Анькиному неопишуемому счастью, сам Сашка никакого интереса к Марине не проявлял. Вполне возможно, что они придерживались устава, который запрещал вожатым вступать в какие-либо отношения, кроме рабочих. Но мы сразу же послали устав к черту. Так же поступили и вожатые второго отряда Эдуард и Татьяна, хотя у них было оправдание — они были женаты.

— Да ладно? — сказала Анька старшей вожатой, которая рассказала об этом даже до того, как назвала свое имя.

— Финиш, — заключила некрасивая, но очень общительная девушка по имени Галя, гордо носящая звание старперши.

У Гали были длинная коса, длинный нос и такой же длинный язык, благодаря которому мы все обо всех узнали уже в первые минуты записи. Причем бóльшая часть информации о вожатых не касалась их работы в лагере вообще или не имела к ним отношения в принципе.

— ...а его потом в клинике неврозов лечили, — закончила она какой-то рассказ и уже готова была перейти к интересующему нас Сашке, как вдруг взгляд ее упал на странную парочку, сидящую за Эдуардом и Татьяной.

— Ленка и Виталик, — Галя показала на парочку, и те одновременно кивнули. — Вожатые третьего отряда.

Щуплый Виталик едва достиг совершеннолетия, а Ленка была на три года старше и в два раза крупнее. Каждый раз, когда к ним подходили родители с детьми, Ленка по-матерински обнимала Виталика, чтобы тот не сильно боялся, и проводила рукой от его макушки до неровно обрезанного края челки. При знакомстве с нами Виталик тихо пискнул, а из Ленки вырвалось что-то наподобие лая.

— Филфак, — чуть ли не с восхищением сказала о ней Галя, и я вспомнила, что уже однажды видела эту Ленку на кафедре зарубежной литературы.

«Кафка»? — подумала я, вглядываясь в знакомые черты лица суровой блондинки. «Он», — подумала Ленка и мысленно перезарядила автомат.

Через пятнадцать минут и три интересных рассказа о незнакомых нам людях толпа поредела, и осматриваться стало проще.

— А где четвертый отряд? — спросила Анька, не находя взглядом стола под номером четыре.

Театральная пауза, и... на сцену, то есть в проход между столами не то кабинета, не то класса с плакатами на тему террористической угрозы, выходит вожатый первого отряда и рассказывает страшную историю о том, что случилось с четвертым отрядом в прошлом году и почему его сейчас нет. Это была какая-то заготовка с элементами джигитовки, но поскольку исполнял ее сам молодой Делон, с которого сыпалась бирюзовая сахарная пудра и ровным слоем оседала на имитирующем паркет линолеуме, все слушали его, открыв рты. Даже Виталик.

Сашка никогда не стоял на четвертом отряде, у него всегда был первый, ведь он — Александр Данилов, поэтому история началась с маленькой, но все-таки лжи.

Итак, прошлое лето, вторая смена. Четвертый отряд собирается в ночной поход. Надвигается буря (что важно, но противоречит логике дальнейших действий). Со стороны леса темнеет, ветер гнет стволы к земле, по радио передают штормовое предупреждение.

— А в другой день нельзя было пойти? — спросила Ленка и покрепче обняла попискивающего Виталика.

В другой день пойти было нельзя, потому что тогда не получилось бы истории, но Сашка сослался на выполнение плана-сетки.

Стемнело рано. Заблудились. Местность за стадионом болотистая — шли в трясине по пояс. Сашка был первым и проверял брод табличкой четвертого отряда. Буря усиливалась, идти становилось все тяжелее. В самом топком месте табличка нырнула по самую надпись и исчезла в трясине непроходимого болота. Почувствовав опасность, Сашка обернулся, чтобы предупредить отряд, но за ним уже никого не было, одни пузыри на вонючей ряске.

— Мамочки, — выдохнул Виталик и прижался к Ленке.

— В корпус ушли, — сказал Сашка. — А табличка так там и осталась. С тех пор четвертый отряд не набирают. Примета плохая.

После такого интересного — пусть и с некоторыми отступлениями от здравого смысла — рассказа Анька влюбилась в Сашку окончательно. Он стал ее героем, который не только антропометрически совмещался с ней по всем параметрам, но и обладал отменным чувством юмора. Осталось лишь спросить, не Водолей ли он, и дело в шляпе. Но когда она уже собралась это сделать и Сашка поймал ее заинтересованный взгляд, в комнату для записи с криком «Иисусе!» вбежал мой Женька — мой крест, мое наказание и величайшая награда из всех.

Он даже не вбежал. Он влетел, как охваченный пламенем астероид, как шаровая молния, готовая здесь все испепелить. Заметался перед столами, ткнул в меня пальцем и крикнул, что не будет стоять со мной на отряде ни за какие коврижки (так прямо и сказал).

Чтобы сразу не стукнуть его по лбу, половину которого закрывала длинная, до самой серьги, челка цвета «скандинавский блонд», да так, чтоб с вышитых на плечах роз посыпались стразы, нужно было сначала выслушать его. Но он так громко верещал, что не оставил никакого выбора. По лбу ему дала Анька. Это положило начало их сложным взаимоотношениям, а заодно заставило Женьку рассказать, почему он так орет и машет руками.

Вследствие полученной в детстве черепно-мозговой травмы, и, как потом выяснилось, не одной, у него появились странные для молодого человека увлечения.

— Вот, — сказал Женька и, чтобы никто не подумал ничего плохого, расстегнул сумку *Louis Vuitton*, доверху набитую декоративной косметикой для женщин.

Я вытащила тушь *Guerlain* и показала ее Аньке.

— Так, продолжай.

В увлечение это перешло не сразу. Сначала Женька заинтересовался маминой косметичкой, а потом стал вырезать из журналов для девочек кукол с комплектами одежды к ним. Окончательный же отрыв от реальности у него произошел тогда, когда во сне ему явился ангел...

— Эй, эй, — Анька подергала меня за похолодевшую руку и начала махать перед лицом блокнотом. — Может, не все потеряно? Может, он Скорпион?

...и сказал, что Женькино предназначение в жизни — быть не испытателем летательных аппаратов, а парикмахером-визажистом. «Точно», — решил Женька, проснувшись, и записался сразу на все мастер-классы на три года вперед. Но после посещения первого же из них (по скульптурированию лица с целью скрыть возрастные изменения) выяснилось,

что стоят эти мастер-классы очень дорого и без спонсорской помощи папы ему не обойтись.

Узнав о Женькиных увлечениях, папа выдохнул, потому что интерес к косметичкам и отсутствие у Женьки девушек начали наводить его на тревожные мысли, но деньгами обещал помочь только в том случае, если Женька окончит МАТИ.

Теперь выдохнул Женька и на глазах расцвел: засиял стразами *Swarovski*, проколол ухо и покрасился в «скандинавский блонд». Но самое главное — у него появились девушки, причем одна другой краше, и каждый день новая. С ними Женька закрывался у себя в комнате, откуда оба потом выходили довольные и счастливые.

Таким же довольным и счастливым был и папа, пока не узнал, что это бьюти-модели, на которых Женька упражняется в своем мастерстве парикмахера-визажиста и на которых тоже нужны деньги.

После того как тайна приходящих девушек открылась, папа заявил, что на Женьку и так уходит вся выручка его магазина для дайверов в Ивантеевке, и посоветовал ему искать моделей подешевле, а лучше бесплатных. Что Женька и сделал.

В МАТИ практика в лагере не была обязательной, но давала привилегии в виде лояльности преподавателей на экзаменах, права досрочно сдать сессию и звания «почетный молодец всея института». На Женькином курсе и курсами старше училось много таких молодцов. Как раз они и подсказали ему, где можно взять сразу десяток, а то и больше бесплатных моделей в безраздельное пользование аж на двадцать один день.

— Плюс вожатые, — заметила Анька.

Женька взглянул на ее веснушки и густо накрашенные ресницы и кисло вздохнул:

— Плюс вожатые.

И вот когда мечта его уже готова была сбыться, а именно десять минут назад, выяснилось, что чем выше порядковый номер отряда, тем младше дети, а не наоборот, как считал Женька, когда умолял директрису поставить его на самый последний отряд — шестой.

— Они слишком маленькие, — сказал он, записывая какого-то мальчика, и не глядя ткнул в него ручкой. — Что я с ними буду делать?

Но детям-то что до этого? Мальчика, в которого Женька так опрометчиво ткнул ручкой, звали Валерка, и он себя маленьким не считал, хотя порядковый номер отряда, который причинял Женьке душевную боль, говорил об обратном. Об этом обратном сказал ему и Женька. Завязалась словесная перепалка. Услышав знакомый сиплый смех и угрозы в адрес вожатых, из коридора на подмогу Валерке прибежали еще двое, сделали Женьке козу и предупредили, что не потерпят обвинений в малолетстве от какого-то дяди.

— Жени, — подсказал Женька. — Но я не дядя.

— Да ты на дядю-то и не похож, — просипел Валерка.

Женька похлопал себя по карманам и достал золотое зеркальце в виде ракушки.

— А на кого я похож? — спросил он у меня, разглядывая в зеркальце свой идеально матовый нос.

Я закрыла лицо руками и попыталась вспомнить, где я в жизни так нагрешила. Это было худшим из всего, что можно себе представить: летчик-парикмахер, с которым у нас целый отряд самых маленьких детей. Оставалось надеяться,

что повезет хотя бы Аньке, но закон подлости оказался почему-то сильнее закона справедливости.

Ее крест пришел последним, но его появления, в отличие от Женькиного, никто не заметил. Сначала его приняли за кого-то из пап, настолько тот был серьезным и тихим по сравнению с Женькой, а когда он занял место за пятым столом, сомнений не осталось: блицкриг провалился полностью.

Анька не везла с собой фоторобот в виде постера знаменитости, но перечень атрибутов, которые харизматичный сангвиник спортивного телосложения иметь точно не должен, у нас обеих был одинаковым. В этот перечень входили пиджак, круглые очки, как у всемирно известного педагога Антона Макаренко, каре естественного блонда и пятерка по поведению.

Все это оказалось у ее Сережи вместе с гитарой в чехле и потертым чемоданом. Взглянув на своего напарника, Анька кивнула и сразу же отвернулась, потому что Сашка уже начал задавать вопросы совсем интимного характера, вроде как ее зовут и с какого она факультета. А это уже серьезная заявочка, товарищи пионервожатые. Это все не просто так! И какая теперь разница, какой у нее напарник?

Сережа стал не только последним из вожатых, но и вообще последним человеком, который вошел в комнату для записи. Полные списки возвещали о том, что делать нам здесь больше нечего и что пора приступать к погрузке в автобусы. Подгоняя всех, Сашка пронзительно свистнул и захопал в ладоши. Виталик от страха пискнул, Ленка опять что-то гавкнула, Сережа подхватил гитару и открыл перед Анькой дверь. В шумном коридоре мы снова оказались в толпе детей и родителей.

— Ты там уже была? — Женька придержал меня за руку и тут же получил от какой-то мамы календарик с ее дочкой в тюльпанах. — Была или нет?

Другая мама вручила ему эмалированный ночной горшок с крышкой и попросила исключить из меню ее сына все молочное.

Сказать Женьке, что это моя первая смена, означало немедленно лишиться напарника: налево по коридору был выход на свободу, к метро, а направо — во внутренний двор автокомбината, где стояли автобусы.

— Была, — сказала я, принимая от кого-то пляжный зонт мальчика Димы. Это была не совсем правда, но и не совсем ложь.

— Слава Иисусу! — выдохнул Женька и положил календарик в горшок. — Хоть что-то хорошее.

Вслед за толпой, гремя горшком и чемоданами, мы пошли направо.

Всего восьмилетних детей набралось тридцать четыре. Для одного отряда много, а для двух — мало, но, учитывая, что у всех четверых вожатых младших отрядов это была первая смена, директриса пошла нам навстречу. Таким образом, нам с Женькой досталось семнадцать — как мгновений весны, но и это количество показалось большим. В ожидающем отправки автобусе они как-то заняли все сорок мест, а нам оставили два задних сиденья из трех.

Пробираясь к ним, Женька шел по проходу и, считая пары, шлепал по детским головам дуофиброй — большой двухцветной кисточкой для нанесения мелкодисперсной пудры и румян. Как вещь первой необходимости, она всегда лежала у него во внутреннем кармане джинсовки вместе с хрустальной пилкой и ножницами для кутикулы.

— Я же говорил, что он на дядю не похож, — просипел Валерка соседу, когда кисть коснулась его макушки.